

*Посвящается
Уэсли, Брайсону, Кайле и Даллину,
самым лучшим детям на свете.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Зазвучал голос Терезы, и мир распался на части.
«Эй, спишь?»

Томас поерзал в постели. Тьма вокруг царила густая и плотная. Он чуть не поддался панике, решив, будто снова в Ящике — страшном кубе из холодного металла, в котором его доставили в Глэйд. Потом, широко раскрыв глаза, Томас различил тусклый свет и смутные тени в большой комнате: грубые кровати, комоды... Тихо дышали во сне ребята; кто-то смачно храпел.

Слава Богу... Он в безопасности, в бараке. Не надо бояться, здесь нет гриверов. Нет смерти.

«Том?»

Голос девушки звучал прямо в голове, Томас отчетливо его слышал. Хоть и не смог бы никому объяснить, как и почему.

Глубоко выдохнув, он лег. Натянутые нервы успокоились, и Томас ответил: «Тереза? Который час?»

«Без понятия. Мне что-то не спится. Удалось подремать с часок-другой, и все... Подумала, вдруг ты не спишь, поболтали бы...»

.....
Томас сдержал улыбку. Хотя Тереза и не видит его, все равно как-то неловко.

«Ну куда я теперь денусь? Трудно спать, когда в черепушке у тебя чей-то голос».

«Ой, ой... ну и спи себе дальше».

«Да не, все путем».

Томас посмотрел на дно верхней койки над собой (бесформенной в темноте). Там влажно похрипывал Минхо, словно в горле у него скопилось безбожное количество мокроты.

«О чем ты думала?»

«Угадай».

И как ей удастся мысленно передавать цинизм?

«Том, мне постоянно снятся гриверы. Скользкие, раздутые, утыканные металлом, шипастые... Из головы такое не выкинешь. Как тут расслабиться!»

Томаса мучили те же образы. Ужас Лабиринта никогда не оставит глэйдеров. Душевные расстройства — если не полное безумие — до конца жизни им обеспечены.

Сильнее других, будто тавро, врезался в память один образ: раненный в грудь Чак умирает у Томаса на руках.

Томас никогда не забудет смерти друга. Терезе он сказал: «Еще чуть-чуть, и убили бы меня».

«Ты это уже сто раз говорил», — ответила Тереза. Глупо, однако Томасу нравилось слышать от нее подобное. Как будто сарказм в ее голосе означал: все будет в порядке.

«Ну и дурень же ты», — ругнул себя Томас, надеясь, что Тереза не слышит его.

«Фигово, что меня от вас отгородили», — послала она Томасу мысль.

.....

Томас, впрочем, понимал, что Терезу убрали от глэйдеров не без причины. Большая часть из них — подростки, шанки, доверять которым нельзя, а Тереза — девушка.

«Тебя защищают».

«Ага, наверное. Просто... — Тоска, смолистыми каплями приставшая к ее словам, проникла в разум Томаса. — Мы столько пережили вместе, и я теперь одна. Фигово...»

«Так куда тебя забрали?»

В голосе Терезы слышалась такая печаль, что Томас чуть не вскочил и не бросился на поиски девушки.

«На другой конец общей столовой. Я в маленькой комнатушке, здесь всего несколько коек. Дверь наверняка заперли».

«Ну вот, говорю же: тебя хотят защитить. — К сказанному Томас поспешил добавить: — Хотя от кого? Я бы поставил на тебя против половины местных шанков».

«Только половины?»

«Ладно, половины и еще четвертинки. Включая меня».

Повисла долгая пауза. Впрочем, Томас чувствовал присутствие Терезы. Словно подруга лежала всего в нескольких футах над ним, как Минхо (пусть Томас его и не видел). И дело отнюдь не в храпе и хрипе. Когда кто-то рядом, ты его чувствуешь.

Томас сам удивился, какое спокойствие наступило, едва пришел сон, несмотря на пережитые за последние несколько недель страхи. Тьма окутала мир, однако ощущение близости Терезы осталось. Она рядом... будто держит его за руку.

.....

Время текло незаметно, подчиняясь каким-то особым законам. В полудреме Томас наслаждался мыслью, что их спасли из ужасного места. Теперь они с Терезой в безопасности и могут заново узнать друг друга. Здорово!

Туманный сумрак. Тепло. Сияние...

Мир растворялся. Все замерло, и в уютной, убаюкивающей темноте Томас погрузился в сон.

Ему годика четыре, может, и пять. Он лежит в постельке, подтянув одеяло к самому подбородку. Рядом, положив руки на колени, сидит женщина: глинные каштановые волосы, на лице только-только обозначились морщинки; в глазах видна грусть. Свои чувства она изо всех сил, безуспешно, пытается скрыть за улыбкой.

Томас хочет заговорить и не может — он не здесь, не в кровати. Он далеко, в ином месте. Женщина открывает рот, и голос ее одновременно сладок и зол. Томасу становится тревожно.

— Не знаю, почему выбрали тебя, но точно знаю другое: ты особенный. Никогда об этом не забывай. И не забывай, как сильно... — Голос ее нагламывается, по щекам катятся слезы. — Не забывай, как сильно я тебя люблю.

Мальчик — одновременно и Томас, и не он — отвечает, произносит нечто бессмысленное:

— Ты сойдешь с ума, мамочка? Как говорят по телевизору? Как... как папа?

Женщина запускает пальцы ему в шевелюру. Женщина ли? Нет, его мать. Мамочка.

— Не бойся, родной, — отвечает она. — Ты этого не увидишь.

Улыбка на ее губах тает.

Томас опомниться не успел, как сон растворился в темноте, оставив его в водовороте мыслей: правда ли новое воспоминание выплыло из бездны амнезии? Правда ли Томас увидел мать? Он что-то говорил о безумии отца... Глубоко в душе проснулась острая боль, и Томас поспешил нырнуть обратно в забвение.

Сколько еще прошло времени, он сказать не мог. Позднее Тереза опять связалась с ним: «Том, что-то не так...»

ГЛАВА ВТОРАЯ

С этих слов Терезы все и началось.

Голос девушки прозвучал будто с противоположного конца гулкого тоннеля. Томас попробовал пробудиться, но сон — это коварное, густое и вязкое состояние-ловушка — не отпустил. Томас уже осознал себя в мире яви, однако усталость не давала выбраться из него полностью.

«Томас!»

В голове будто скребли острыми когтями. Ощувив крохотный укол страха, Томас решил: все это сон. Да, сон. Они в безопасности, бояться не надо. Терезе ничто не угрожает, и можно спать дальше. Расслабившись, он поддался дремоте.

Послышались иные звуки: удары, металлический звон, грохот, крики друзей... В сознание Томаса они проникали эхом, далеким и приглушенным. Крики стали пронзительней, возвещая о запредельной

.....
боли. Томас лежал, словно укутанный в кокон из темного бархата.

Погодите... Так быть не должно. Что говорила Тереза?

Борясь со сном, который мертвым грузом тянул вниз, Томас мысленно прокричал: «Подъем! Просыпайся!»

Чего-то не хватает, как будто из тела похитили важный орган. Тереза! Тереза пропала. Томас ее больше не чувствовал!

«Тереза! Тереза, отзовись!»

Ушло теплое чувство ее присутствия. Подруга не отвечала, и Томас, продолжая бороться со сном, вновь и вновь выкрикивал ее имя.

Тьма рассеялась, уступив место реальности. Объятый ужасом, Томас резко сел на кровати, потом спрыгнул на пол и огляделся.

Вокруг царил хаос.

Глэйдеры с воплями метались по бараку. Звучали дикие, страшные, какие-то нереальные крики, словно на бойне. Фрайпан, бледный, указывал на окно; Ньют и Минхо неслись к двери. Уинстон обхватил прыщавое лицо руками, как будто увидел жрущего живую плоть зомби. Другие глэйдеры, пихаясь и толкаясь, лезли к окнам, держась от них, впрочем, на почтительном расстоянии. А Томас внезапно понял, что не знает по имени практически никого из двадцати выживших в Лабиринте парней. Не самая уместная мысль в разгар хаоса...

Уловив краем глаза движение, Томас обернулся посмотреть — и всякое ощущение покоя и безопасности испарилось. Как вообще оно могло родиться? В таком-то мире!

В трех футах от кровати Томас увидел окно. Разбитое, занавешенное пестрой шторкой. За ним горел ослепительно яркий свет, и за прутья решетки окровавленными руками цеплялся человек: выпученные, налитые кровью глаза, на смуглом лице струпь и язвы; волос нет — только пучки, похожие на зеленоватый мох. На правой щеке отвратительная живая рана, сквозь которую видны зубы. С подбородка свисают нити розовой слюны.

— Я шиз! — орал ходячий ужас. — Черт, я шиз!

Брызгая слюной, он принялся выкрикивать снова и снова:

— Убейте меня! Убейте! Убейте...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Томаса хлопнули по плечу. Вскрикнув, он обернулся. Рядом Минхо тоже смотрел на сумасшедшего.

— Зомби повсюду, — мрачно произнес куратор бегунов. Давешние надежды растаяли. — наших «спасителей» и след простыл.

Томас привык жить в страхе и напряжении, но это уже слишком. Ощутить надежду — и сразу лишиться ее? Томас поскорее прогнал мимолетное желание уткнуться в подушку и расплакаться. Отрешившись от непроходящей боли и тоски по дому, от мыслей о безумии отца, он понял: нужен лидер и план. Иначе кошмар этой ночи не пережить.

.....
— Внутрь еще не проникли? — ощутив странное спокойствие, спросил Томас. — Решетки есть на всех окнах?

Минхо кивнул на длинную стену.

— Ага. Прошлой ночью мы решеток и не заметили, было слишком темно. Да еще эти занавески с рюшечками... Никогда бы не подумал, что обрадуюсь решеткам на окнах.

Одни глэйдеры перебежали от окна к окну, прочие сбивались в кучки. На лицах у всех читалось смешанное выражение неверия и страха.

— Где Ньют?

— Здесь я.

Томас обернулся и увидел старшего. И как сразу не заметил?

— В чем дело?

— Типа я знаю! Пришли какие-то психи и решили слопать нас на завтрак. Надо перебраться в другую комнату и созвать Совет. Ну и шум, будто гвозди в башку вколачивают.

С отсутствующим видом Томас кивнул. Он-то надеялся, что Ньют и Минхо обо всем позаботятся, а сам он тем временем попытается связаться с Терезой. Хоть бы ее предупреждение оказалось частью сна, бредом уставшего разума. Да еще образ матери не дает покоя.

Двое его друзей отправились собирать глэйдеров. Томас робко глянул на окно, в котором видел обезумевшего человека, и тут же отвернулся. Хватит на сегодня крови, растерзанной плоти и безумия в налитых краснотой глазах, истерических призывов: «Убейте меня! Убейте! Убейте!..»

Отойдя к противоположной стене, Томас привалился к ней и мысленно позвал: «Тереза! Тереза, где ты?»

Закрыв глаза, он сосредоточился. Мысленно протянул невидимые руки, желая нащупать хоть какой-нибудь след. Ничего, тщетно. Ни малейшего ощущения, что Тереза по-прежнему рядом. Ни намек на ответ с ее стороны.

«Тереза, — настойчивей позвал Томас, стиснув зубы. — Где ты? Что с тобой?»

Опять ничего. Сердце замедлило ход и, казалось, вот-вот остановится. Томас будто проглотил большой комок ваты. Тереза в беде.

Глэйдеры тем временем успели собраться у зеленой двери, ведущей в столовую, где накануне они уплетали пиццу. Минхо без толку дергал за медную ручку.

Остальные двери вели в душевую и кладовку — тупиковые комнаты, куда можно было попасть только из спальни. На окнах стояли решетки, и слава Богу, потому что в каждое ломались вопящие безумцы.

Тревога растекалась по венам словно кислота. Томас бросил попытки связаться с Терезой и присоединился к товарищам. Ньют решил сам открыть дверь. Безуспешно.

— Заперто, — сообщил он, безвольно опустив руки.

— Спасибо, кэп, — заметил Минхо, сложив на груди могучие клешни. (На мгновение Томас увидел, как кровь пульсирует во вздувшихся венах.) — Ты просто гений, не зря тебя назвали в честь Исаака Ньютона. Поражаюсь твоей проницательности.

Ньют был не в настроении шутить или же давно привык игнорировать ядовитые колкости Минхо.

— Ломаем ручку на хрен. — Он огляделся, будто ожидал, что ему подадут кувалду.

— Когда эти шизы стебанутые умолкнут?! — проорал Минхо, глядя на ближайшего из сумасшедших, женщину: через все лицо, до самого виска, у нее тянулась жуткая рана.

— Шизы? — переспросил Фрайпан.

До сего момента волосатого повара Томас не замечал. Тот словно таился, напуганный еще больше, чем перед схваткой с гриверами. Неизвестно, что хуже. Засыпая прошлой ночью, ребята надеялись: все, конец, беды завершились. Да-а... страшно вот так резко лишиться покоя.

Минхо указал на окровавленную женщину.

— Они сами себя так зовут.

— Шизы-мызы... — отрезал Ньют. — Найди что-нибудь сломать эту чертову дверь!

— Держи, — произнес невысокий паренек, протягивая Ньюту узкий баллон огнетушителя. Похоже, снял со стены. И вновь Томас пожалел, что не знает по имени практически никого, даже вот этого паренька.

Ньют замахнулся, готовый сбить ручку вместе с замком, и Томас подобрался как можно ближе к нему. Не терпелось увидеть, что за дверью. Скорее всего хорошего там мало.

Ньют ударил. Раздался громкий треск, что-то хрустнуло внутри двери. Ньют саданул по ручке еще раза три и выломал ее вместе с креплением. Зазвенели, падая на пол, металлические детали. Дверь тихонько приоткрылась.

Ньют смотрел на длинную узкую полосу тьмы так, словно из нее вот-вот вылетят демоны. Затем, не глядя, вернул огнетушитель безмянному пареньку.

— Пошли, — скомандовал Ньют слегка дрогнувшим голосом.

— Погодите, — остановил глэйдеров Фрайпан. — Нам точно надо выходить? Может, дверь не зря была заперта?

Логично. Томаса тоже терзали дурные предчувствия.

Минхо встал подле Ньюта и посмотрел на Фрайпана, затем — прямо в глаза Томасу.

— А что еще делать прикажешь? Сидеть и ждать, пока вломятся шизы? Айда.

— Решетки крепкие, — резко ответил Фрайпан. — Есть время подумать.

— Нет, время вышло. — Минхо ногой распахнул дверь, и тьма за ней, казалось, стала гуще. — И вообще, чего ты молчал, пока мы ломали замок? Башка твоя дурья! Теперь уже поздно.

— Лучше б ты ошибался, — вполголоса пробурчал Фрайпан.

Томас едва мог оторвать взгляд от чернильной тьмы в соседнем помещении. Что-то не так, говорило до боли знакомое предчувствие. Иначе «спасители» давно бы пришли. Но Минхо и Ньют правы: нельзя отсиживаться в спальне, надо искать объяснение случившемуся.

— К черту, — сказал Минхо. — Я первым пойду.

Не дожидаясь ответа, он шагнул в темноту и сию же секунду в ней растворился. За ним пошел Ньют — напоследок он нерешительно глянул на Томаса, и тот понял: ему идти третьим.